

Д.В. Зотов*

НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ ВНУТРЕННЕГО СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

Аннотация: Одним из выдающихся судебных преобразований России 1864 года остается отмена формальной теории доказательств и провозглашение принципа свободы внутреннего убеждения судьи. Однако полного устранения количественного критерия, присущего системе законных доказательств из новой системы доказывания не произошло. Дореволюционные юристы признавали существование «преимущественных доказательств» в уголовном процессе. Вопрос о преимущественных доказательствах остается проявлением искусственной теории доказательств и связан с понятием достаточных и необходимых пределов доказывания. Вопрос о достаточных пределах доказывания решается неоднозначно. Использован сравнительно-исторический метод исследования работы отечественных ученых по проблемам реформы уголовного судопроизводства 60-х годов XIX столетия. Уголовно-процессуальное познание не безгранично. Его ретроспективность, с одной стороны, и нацеленность на установление истинности существующих сведений о фактах, с другой, предполагают определение пределов познавательного процесса. Если эти пределы исследования преступления выражены в установленной законом процессуальной форме, их принято называть пределами доказывания. Под пределами доказывания понимается число доказательств, требуемое для определения их достаточности; предпринята попытка определения необходимого и оправданного числа доказательств, позволяющего субъектам доказывания обосновать позицию по делу.

Ключевые слова: пределы доказывания, обязательные доказательства, необходимые пределы, достаточные пределы, достаточность, преимущественные доказательства, источники доказательств, информационный подход, Устав уголовного судопроизводства, процесс доказывания.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11256

В ряду блестящих судебных преобразований России 1864 года стоит реформа концепции доказывания – переход от формальной к свободной оценке доказательств. От решения вопроса, какую теорию доказательств (формальную или по внутреннему убеждению) принять, «зависят не только главные формы судопроизводства, но и самое устройство суда»¹. Поэтому провозглашение свободы судебного убеждения в доказывании явилось фундаментальным, связующим, а главное – органичным и неизбежным условием для реформирования отечественной судебной системы и уголовного процесса.

По мнению разработчиков реформы, свобода оценки доказательств не безгранична: поми-

мо условий процессуальной формы, в которой формируется судебское убеждение, существует и система общественного контроля, проявляющаяся в гласности и открытости процесса.

Предпосылкой свободной оценки, конечно, следует считать провозглашенные принципы **непосредственности** и **устности** судебного разбирательства. Личное восприятие доказательств из первоисточника, а не «из вторых рук», без каких-либо промежуточных звеньев, а равно устное обсуждение всех материалов, имеющих значение для дела, выступают важной гарантией внутренней убежденности.

Свободная оценка, предполагающая отсутствие заранее определенной силы доказательства и их достаточной совокупности, вносит новые акценты в формирование профессионального судебного мировоззрения. На смену безынициативному судье, применявшему количественный алгоритм подсчета доказательств по формуле закона, основанного

¹ Соображения Государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судоустройстве // Материалы по судебной реформе России 1864 г. Т. 18, ч.2. С. 4.

© Зотов Денис Валентинович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности, Воронежский государственный университет [zotov78@mail.ru]

394000, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10 а.

на приблизительных житейских презумпциях, приходит судья-мыслитель, осознающий уникальность события преступления, исследование которого свободно от предрешенной искусственной системы улик, и где есть место разумным сомнениям. Такие метаморфозы заставляют творцов судебной реформы озабочиться тем, чтобы судебское усмотрение, с одной стороны, не превратилось в безответственную вседозволенность судьи, а с другой, свобода оценки, как и любая другая свобода, подлежит охране и защите от незаконного воздействия. Все это послужило предпосылками для закрепления идей **самостоятельности, независимости и беспристрастности** суда.

Какой была бы **российская адвокатура**, зародившись в теории формальных доказательств? Случился ли бы феномен отечественной правозащиты в условиях шаблонного доказывания? Сколько бы еще надежда поверенного «достучаться до судьи» пряталась за непроницаемым забралом предрешенных улик? Провозглашение свободы оценки доказательств породило принципиально новую адвокатуру, видевшую основания для защиты в возможности открытой аргументации не скованной искусственной шкалой предрешенных доказательств.

Через призму свободы судебского усмотрения открываются новые стороны в организации **прокурорского надзора**. Одно лишь закрепление того, что споры между следователем и прокурором решались в суде, позволяло авторам реформы надеяться на незамыленное судебское отношение к различным проблемам доказывания.

Свободная оценка личных доказательств предполагает их восприятие независимо от субъективных характеристик источника доказательства (происхождение, должностное, социальное, имущественное положение и пр.), если это не имеет отношение к делу. Таким образом, и **идея всесловности (равенства всех перед законом и судом)** находится в органической связи с концепцией свободной теории доказательств.

И последним, пожалуй, самым радикальным следствием провозглашения принципа свободы внутреннего убеждения было введение **суда присяжных**. Неоднократно отмечалось, что российский суд присяжных представлял собой феномен демократических преобразований в условиях абсолютизма, где правила судебных доказательств не стесняют совести представителей народа.

Названные новеллы реформаторов отличались взвешенной системностью, органическим единством, затрагивали весь судостроительный и судопроизводственный механизм, содер-

жали последовательный порядок реализации основных преобразований, а главное, здесь не было половинчатых полумер, что и заставило назвать судебные преобразования Александра II самыми радикальными в чреде великих реформ. Отстаивая радикализм преобразований, один из «отцов» реформы С.И. Зарудный заявлял: «Полумеры не могли привести ни к чему. Здание новой юстиции должно быть построено на слишком прочных основаниях, чтобы его не разрушила та болотистая почва, на которой его нужно было строить»².

Конечно, такой радикализм, меняющий не только всю систему законодательства, но и требующий коренного перелома правосознания (в том числе и сложившегося) у правоприменителя не мог не вызвать критику как всех положений реформы, а в большей части ее основного революционного положения – введение принципа свободной оценки доказательств.

Характер критических замечаний различался. Здесь было и реакционное нежелание вообще каких-либо изменений, олицетворяемое министром юстиции графом В.Н. Паниным. Неодобрение с позиций «исторических начал» слышалось из лагеря славянофилов, которые как «умы боязливые испугались радикализма этой реформы, обрекающей на забвение все старинные заблуждения судебного управления, завещанные Екатериной II... Мысль, что Россия может руками и ногами ухватиться за простые теории демократического кодекса Наполеона, кажется этим трусливым натурам какой-то безмерной дерзостью, делом несбыточным, способным породить страшные беспорядки в общественной экономике России»³. Более мягкое и вдумчивое отношение к идеям реформы выражал глава II отделения императорской канцелярии граф Д.Н. Блудов, который «хотел улучшить судопроизводство и судостроительство без существенных изменений, исправляя его однозлые недостатки путем синтеза «исторических начал» российского законодательства и элементов западноевропейского»⁴.

Однако представители буржуазно-либеральных настроений отстаивали необходимость полномасштабных коренных реформ, а не штучного эволюционного развития. Значимым в этом отношении была просвети-

² Зарудный С.И. По поводу судебной реформы // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 12. С. 365–380.

³ Критический обзор судебных преобразований: ежемесячное приложение к газете «Народное богатство». СПб., 1968. С. 34.

⁴ Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994. С. 206.

тельская деятельность выдающихся отечественных юристов. Так, осенью 1860 года были прочитаны, а в дальнейшем опубликованы публичные лекции В.Д. Спасовича. Они стали заметным явлением в общественной жизни России. После них теория формальных доказательств, составляющая «центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса»⁵ и предпосылку судостройства была отменена в сознании каждого образованного человека⁶. Будущий «король адвокатуры» доказал, что без отмены теории формальных доказательств нельзя улучшить правосудие. Меняя ее на оценку доказательств по внутреннему убеждению, необходимо изменить систему судостройства и судопроизводства, иначе это будет «бумажная реформа». Однако реформа теории доказательств сама, в свою очередь, зависит от множества иных коренных преобразований в судостройстве и судопроизводстве. Ее плодотворное влияние должно обеспечиваться механизмом, построенным на принципах отделения судебной власти от исполнительной, гласности и устности судебного процесса, независимости суда от прокурора, наделенного обвинительной властью, адвокатской судебной защиты.

Какие факты, связи между ними и при каких условиях способны сформировать судебское убеждение – заранее определить чрезвычайно сложно. Однако несправедливо было бы утверждать о полном устранении количественного критерия, присущего системе законных доказательств из новой системы доказывания. Несмотря на отсутствие дифференцированных и особых производств в Уставе уголовного судопроизводства, на широкую практику суда присяжных как олицетворения свободной оценки доказательств, дореволюционные юристы все равно признавали существование «преимущественных доказательств»⁷ в уголовном процессе.

Вопрос о преимущественных доказательствах остается проявлением искусственной теории доказательств и органически связан с понятием достаточных и необходимых пределов доказывания.

Вопрос о достаточных пределах доказывания решается неоднозначно.

С одной стороны, излишнее обоснование одного и того же факта различными способами и

средствами свидетельствует о нерациональности уголовно-процессуального познания, влечет потерю времени и сил функционеров судопроизводства, мешает целеустремленности субъектов доказывания. К отрицательным проявлениям неоправданного переизбытка доказательств следует отнести отрыв лиц от своих занятий, повышение материальных затрат судопроизводства, нарушение принципа разумности сроков и экономичности процесса.

С другой стороны, количественный критерий достаточных пределов доказывания призван гарантировать надежность и прочность собранных доказательств. Сложно опровергнуть известную формулу, согласно которой достоверность доказательств пропорциональна их числу. Вопросы количественной оценки доказательств занимали Л.Е. Владимирову: «Увеличивая число свидетелей, мы, следовательно, действуем по тому же способу, по какому индуктивный исследователь устанавливает причинную связь между двумя явлениями посредством постепенного исключения влияния случайных обстоятельств. Умножая число свидетелей, мы вычитаем причины случайные (физиологическую, интеллектуальную негодность) и причины, отклоняющие свидетеля от правдивого показания (страсти, интересы, предрассудки), пока не достигаем такого числа свидетелей, которое обеспечит чистоту свидетельского показания»⁸. Не потеряли своей актуальности взгляды Г.М. Миньковского: «С увеличением количества доказательств, с объективно совпадающим или частично перекрывающимся (подкрепляющим) содержанием увеличивается и их надежность, а следовательно, и надежность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания»⁹. Обоснованные опасения дискредитации доказательств, а равно и реальное противодействие расследованию, предполагают «сознательное допущение некоторой избыточности доказательств, обеспечиваемой дублированием наиболее «узких мест» и установлением дополнительных связей между доказательствами»¹⁰. Вследствие этого А.Р. Белкин, задаваясь вопросом «а можно ли утверждать, что эта система доказательств, составляющая пределы доказывания, не только достаточна, но и *необходима*, т.е. в ней нет излишних, избыточных элементов и звеньев?» пришел к пониманию пределов доказывания

⁵ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостройством и судопроизводством. М., 2001. С. 4. (репринтное издание).

⁶ Коротких М.Г. Указ. соч. С. 122.

⁷ См., например: Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 202.

⁸ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 53.

⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 191.

¹⁰ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 51.

как «разумно избыточной» системы доказательств, при этом отнюдь не необходимой¹¹.

Разумная избыточность как относительная категория не позволяет заранее назвать оправданное число доказательств, требуемых для установления искомых фатов. Необходимо учитывать, что оценка числа доказательств постоянно меняется. Хотя собранная совокупность доказательств до определенного момента позволяет считать те или иные обстоятельства предмета доказывания установленными, эта оценка до окончания доказывания всегда является лишь предварительной и подвергается перепроверке. Самые разнообразные факторы могут влиять на расширение или сужение пределов доказывания: выявление новых обстоятельств дела, выдвижение версий, перемена субъекта доказывания, переход в новую стадию процесса, ошибки расследования и пр. Принципиально лишь то, что основным условием, определяющим пределы оправданной избыточности, выступает уникальность конкретного уголовного дела. Сугубая индивидуальность преступного события прошлого делает невозможным предварительный расчет совокупности доказательств, дублирующих и страхующих друг друга. Каждое уголовное дело формирует только ему присущее оправданно-разумное число доказательств, которое и выражает понятие фактических пределов доказывания по конкретному делу.

Важно, что фактические пределы доказывания представляют определение числа источников доказательств, требуемых для обоснования выводов по делу, а вовсе не количественную оценку содержащихся в них сведений. Предположения о возможностях математического анализа достоверности выводов из системы доказательств были критически оценены и сделан верный вывод о преждевременности подобных попыток. Аргументация сводилась к тому, что в каждом случае субъекты доказывания сталкиваются с неповторимым комплексом доказательств, где «могут фигурировать не только типичные для данного вида преступления доказательства, частота встречаемости которых может получить количественную оценку вероятностно-статистическими методами, но и доказательства «атипичные», сугубо индивидуальные по своему характеру, ценность которых не только нельзя выразить количественно, но и даже предвидеть»¹². Остается лишь добавить, что фактические пределы подлежат установлению не только для итоговых выводов по делу,

но и для отдельных фактов материального и процессуального характера, нуждающихся в доказывании.

Несмотря на то, что свобода оценки доказательств, в том числе их численности, обуславливает невозможность просчета разумной избыточности доказательств, тем не менее, это не исключает попыток определения случаев, когда пределы доказывания заранее следует признать неоправданными. Причины неоправданной избыточности связаны с допущением характерных ошибок (просчетов):

- 1) материальных (*например*, установление обстоятельств, не предусмотренных диспозицией Особенной части УК РФ);
- 2) процессуальных (*например*, соби́рание недопустимых доказательств в силу процессуальных правил доказывания; установление обстоятельств, не входящих в предмет доказывания, фактов, не требующих доказывания, общеизвестных фактов; игнорирование преюдициальных фактов и т.п.);
- 3) организационно-тактических (*например*, неправильная организация процесса расследования, приведшая к расширению круга источников одной и той же информации, при возможности ее получения более простым способом; расчет на получение доказательств определенного вида научно необоснованными способами);
- 4) персональных (*например*, личные качества субъекта доказывания, мешающие ему определить пределы разумной избыточности доказательств; случаи, когда функционер доказывания не «может остановиться» в процессе формирования доказательств).

Названные причины связаны, в том числе, и с оценкой содержательной стороны доказательства, а не только с фактом самого наличия источника доказательства, но, тем не менее, приведенные просчеты однозначно влекут необоснованное количественное превышение пределов доказывания.

Определенное распространение в науке получила точка зрения о том, что в ходе расследования и судебного разбирательства фактические пределы доказывания должны стремиться к необходимому пределу¹³. Однако какие-либо аргументы в пользу приведенного утверждения не приводятся. Представляется, что уязвимость подобных суждений состоит в 1) неверном определении категории «необходимость», 2) неправомерном отождествлении

¹¹ Там же. С. 50.

¹² Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. М., 2005. С. 207–208.

¹³ Теория доказательств ... С.193–194; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 90–91; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 239.

понятий «необходимые пределы доказывания» и «необходимые доказательства».

Недостатком приведенных взглядов является восприятие необходимых пределов доказывания в качестве требуемого в идеале либо желательного числа доказательств, устанавливающего тот или иной факт. Такой подход противоречит философскому пониманию необходимости, представляющей собой «характеристику явления, однозначно определённого некоторой областью действительности, предсказуемого в рамках знания о ней»¹⁴. Ключевым моментом здесь выступает предсказуемость характеристик, их предварительная известность, заблаговременная предрешенность. Очевидно, что такое понимание не совместимо с постоянно меняющимся, неопределённым, а порой и размытым числом источников доказательств в рамках единственного в своей неповторимости конкретного уголовного дела. Признание того, что фактические пределы доказывания должны стремиться к необходимому, а не довольствоваться разумной избыточностью, означало бы запрограммированность уголовно-процессуальной деятельности, лишение субъектов доказывания инициативности, сведение процесса доказывания к формальным установкам вне свободной оценки доказательств.

Вместе с тем, философское понимание необходимости вполне уместно для уяснения категории «необходимые пределы доказывания», под которыми следует понимать такое число доказательств, без которых невозможно обоснование позиции по делу либо оценка их достаточности. Необходимые пределы доказывания есть обязательное и неизбежное число доказательств, отсутствие которых тормозит доказательственную деятельность. Достижение необходимых пределов доказывания свидетельствует о позитивной возможности дальнейшего развития процесса доказывания. Иначе говоря, необходимые пределы доказывания – это не число доказательств, к которому следует стремиться, а число доказательств, без которого доказывание практически невозможно.

Необходимые пределы доказывания в процессуальной литературе встречаются под названием обязательных источников доказательств. «Под обязательными можно понимать такие источники доказательств и доказательства, – пишет Р.С. Белкин, – при отсутствии которых нельзя сделать вывод о полном и всестороннем расследовании уго-

ловного дела, а собранные доказательства – признать достаточными»¹⁵. Важно, что в этом определении разграничиваются обязательные источники и обязательные доказательства. Если первые отражают количественную сторону процесса доказывания, то вторые – качественную. Если «необходимые пределы доказывания» – наличие определенного числа доказательств, то понятие «необходимые доказательства» характеризует их с информативно-содержательных позиций, требуемых для формирования обоснованных выводов по делу.

При этом неповторимость и индивидуальность каждого уголовного дела вовсе не мешают определению необходимых пределов доказывания, которые, по сути, отражают стандартное число доказательств в наиболее типичных ситуациях. В состав необходимых пределов доказывания следует включать заключение эксперта, в случаях когда назначенные экспертизы обязательно, вещественные доказательства или иные документы являющиеся предметами преступления или средствами совершения преступления в случаях, прямо предусмотренных диспозициями Особенной части УК РФ.

Необходимые пределы доказывания не обладают заранее установленной доказательственной силой, не имеют каких-то преимуществ. Но при отсутствии обязательных источников доказательств невозможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Отсутствие необходимых пределов ведет к затягиванию процесса, а в итоге – к невозможности правильного разрешения дела.

Логичным в доказывании выглядит цепочка, при которой определение пределов доказывания обязательно предшествует оценке достаточности доказательств, после чего субъекты доказывания формируют выводы по делу. Иначе говоря, в основе принятия решения лежат сведения, полученные из надлежащего источника.

Однако традиционная причинно-следственная связь «пределы – достаточность» в уголовном судопроизводстве проявляется не всегда. Не редки исключения, когда позиция по делу может быть сформирована либо за счет пределов доказывания, либо на основе оценки достаточности без учета числа доказательств.

В первом случае речь идет о необходимых пределах доказывания, которые сами по себе свидетельствуют о возможности прямого вывода без анализа их содержания. Само число

¹⁴ Левин Г. Д. Необходимость и случайность// Новая философская энциклопедия/ Ин-т философии РАН. М., 2010.

¹⁵ Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 92.

источников доказательств выступает «достаточным» условием для обоснования процессуальной позиции. Примерами, когда достаточность сводится, как правило, к заранее предусмотренному числу источников доказательств, могут служить различные проявления сокращенных и упрощенных производств. Так, если подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, то это является основанием для производства дознания в сокращенной форме (ст. 226.1 УПК РФ). Что касается упрощенных производств, то законодатель не требует процессуальной оценки достаточности сведений, содержащихся в заявлении потерпевшего по уголовному делу частного обвинения. Решение о возбуждении уголовного дела мировой судья основывает на факте наличия самого заявления (рассматриваемого как доказательство), а не на уяснении содержащихся в нем сведений.

Обратной ситуацией являются случаи, когда необходимые пределы доказывания отсутствуют, но вывод о достаточности может быть сделан. Такой вывод, как правило, имеет отрицательное значение. Оценка достаточности сводится к признанию «недостаточным» числа доказательств, а, следовательно, и невозможности обоснования позиции по делу. Так «классическим» подтверждением этого правила выступают положения ст. 77 УПК РФ, запрещающие формировать обвинение лишь на основе собственного признания вины обвиняемым при отсутствии других доказательств.

Таким образом, пределы доказывания являются желательной, но не обязательной предпосылкой оценки достаточности доказательств. И наоборот.

Приведенные суждения свидетельствуют о значительной роли количественного критерия в оценке доказательств, не умаляя критерия содержательного. При этом число доказательств (пределы доказывания) выступает необходимой предпосылкой оценки их качества.

Библиография

1. Соображения Государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судоустройстве // Материалы по судебной реформе России 1864 г. Т. 18, ч.2.
2. Зарудный С.И. По поводу судебной реформы // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 12. С. 365–380.
3. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994.
4. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001.
5. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
6. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973.
8. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007.
9. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. М., 2005.
10. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
11. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
12. Левин Г. Д. Необходимость и случайность // Новая философская энциклопедия/ Ин-т философии РАН. М., 2010.
13. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966.

References

1. Soobrazheniya Gosudarstvennoi kantselyarii o sudoproizvodstve grazhdanskom, ugovnom i sudoustroistve // Materialy po sudebnoi reforme Rossii 1864 g. T. 18, ch.2.
2. Zarudnyi S.I. Po povodu sudebnoi reformy // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1864. № 12. S. 365–380.
3. Korotkikh M.G. Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii (sushchnost' i sotsial'no-pravovoi mekhanizm formirovaniya). Voronezh, 1994.
4. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroistvom i sudoproizvodstvom. M., 2001.
5. Dukhovskii M.V. Russkii ugovlnyi protsess. M., 1910.
6. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugovlnykh dokazatel'stvakh. Tula, 2000.

7. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse / Otv. red. N.V. Zhogin. M., 1973.
8. Belkin A.R. Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve. M., 2007.
9. Khmyrov A.A. Kosvennye dokazatel'stva v ugovnykh delakh. M., 2005.
10. Gorskii G.F., Kokorev L.D., El'kind P.S. Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. Voronezh, 1978.
11. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Ugolovnyi protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie. Voronezh, 1995.
12. Levin G. D. Neobkhodimost' i sluchainost' // Novaya filosofskaya entsiklopediya/ In-t filosofii RAN. M., 2010.
13. Belkin R.S. Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody. M., 1966.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.